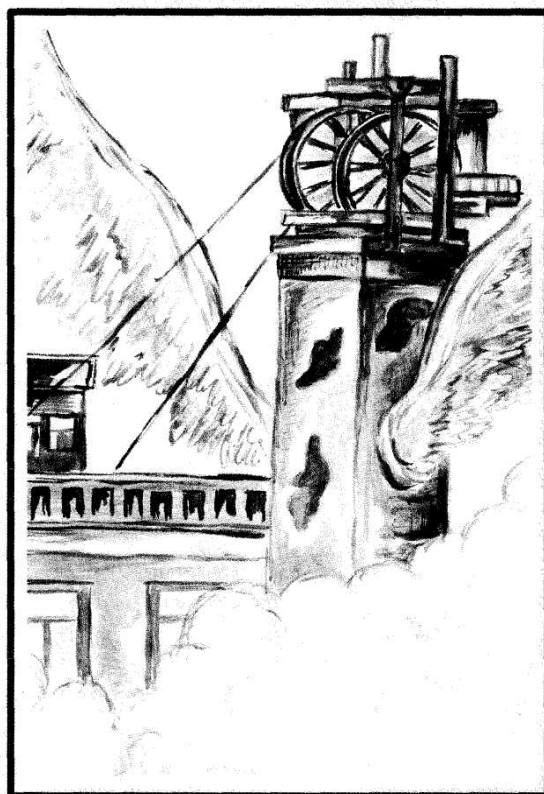

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г. Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Валерий Кручинин-Русич
(г. Сокольники)

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ ПОВЕСТИ

МИЛОВАНОВЫ

Родился и всю свою жизнь, Колька Милованов живет в старом дедовском доме, на самом краю шахтерского поселка. Народу когда-то в этой избе много проживало, но жизнь тяжким паровым катком прошла по огромной миловановской семье. Четверо Колькиных дядьев и тетка погибли в Великую Отечественную. Пятый дядька, офицер, погиб уже после войны. Его зверски замучили на Украине бандеровцы. А ведь всю войну мужик прошел... В каких только переделках не побывал...

Остальные (два сына и дочь), к тому времени уже много лет со своими семьями проживали отдельно. И только Колькин отец (как самый младший из братьев) остался жить в родительском доме.

Дом у Миловановых большой, пятистенный. С множеством хозяйственных построек и огромным садом, за которым синее небольшое, местами очень глубокое озеро с удивительно чистой и всегда холодной (даже в жаркое лето) водой.

Озеро это рукотворное. Давным-давно (еще при царе) за околицей деревушки с красивым названием Солнцево, был большой овраг. В нем на поверхность земли выходил пласт бурого угля. В конце 19-го века эти земли купили иностранцы и стали добывать там «горючий камень».

Колькиному деду тогда было уже лет двенадцать. Он хорошо помнил те времена и часто рассказывал своим домашним, как они с отцом подрабатывали у бельгийцев. На зиму к ним нанимались почти все деревенские мужики. Хлеба уберут, стога сметают, свадьбы сыграют — и на рудник. Деньжат подзаработать. В деревне у каждой семьи была своя специализация. Кто воду помпами откачивал. Кто кайлом махал. Кто добытый уголь на лошадях в Венев или Богородицк возил. Помощь от этого рудника мужикам в хозяйстве большая была. Слухи о богатом приданом солнцевских невест ходили по всей округе. Так ковырялись они лет двадцать, пока водяную жилу не нарушили... В мгновение ока все кругом затопило. Кто в этот момент в штольнях был, погибли...

С тех пор и плескается на задах миловановского дома озеро ледяной, кристально чистой воды.

В двадцатые годы прошлого века Советская власть построила в этих местах множество шахт, на которых стало работать две трети населения близлежащих сел, а когда-то вольная и богатая деревенька Солнцево превратилась в шахтерский поселок имени товарища Натана Сукерника. Кто такой этот т. Н. Сукерник, никто не знал (скорее всего, какой-нибудь пламенный революционер средней руки), но в деревушке вскоре появился клуб, высоченная пожарная каланча, электроподстанция и отделение милиции, с пивной и магазином.

* * *

В детстве у Кольки был настоящий плот, перешедший ему по наследству от двоюродных братьев, которые были на много лет старше его. Базировался плот возле мостика, специально сделанного для этой цели в камышах, густо растущих на мелководье с южной стороны озера. Сбитый железными скобами из старых железнодорожных шпал, он был громоздок, тяжел и очень неудобен в управлении, но, когда Колька поставил мачту и приладил к ней парус, сшитый им из старых мешков, все неудобства сразу забылись. Кем только он не представлял себя, плавая по озеру на плоту под парусом: и знаменитым путешественником и Синбадом-мореходом, и пиратом и, уж конечно, боевым прославленным капитаном. Взрослые поселковые парни частенько просили его плавсредство, чтобы покатать своих девчонок или половить с него рыбу. Колька Милованов жадным никогда не был и не отказывал никому.

Рыбы в озере водилось много, но еще больше было раков здоровенных, с огромными выпученными глазами и могучими клешнями. Такой если хватанет за палец, будто со всего маху молотком ударит. Поначалу Колька долго не мог заставить себя шарить рукой в норах, нащупывая там рака, но, в конце концов, страх свой пересилил и с тех пор считался на поселке одним из самых удачливых ловцов. На озере он знал все «рачьи места» и ловил их всегда сотнями.

По воскресным дням приходили старшие братья отца с семьями, в саду раскладывали огромный костер. Бабушка в большом ведерном чугуне варила на нем раков. Все Миловановы рассаживались вокруг него и, лакомясь пунцовыми страшилищами, неспешно, до глубокой ночи вели разговоры. Дядя (и даже вечно хмурый дед) хвалили Кольку, называли его кормильцем, добытчиком. Он был на седьмом небе от счастья. Ему даже раков есть не хотелось. Расшелушив крепкий панцирь, всегда отдавал белое нежное мясо своей сестренке-малолетке.

Бабушка, как наседка, окружив себя внучатами, начинала рассказывать про свою молодость. И по ее рассказам выходило, что при царе жить было очень даже хорошо. У ее отца была своя земля, на которой они сеяли рожь, ячмень. Хозяйство большое было, трудиться (особенно летом) приходилось от зари до зари. Зато зимой вольготничали.

Еще бабушка любила вспоминать, как она познакомилась с дедом.

Миловановы перед самой революцией построили свою паровую мельницу и первому, кому они мололи хлеб, был ее отец. Бабушка (тогда юная, красивая девушка) целый день помогала молодому симпатичному мельнику. Вернее — пыталась ему помочь. Парень, сильно смущаясь, к мешкам ее не подпускал. Старался делать все сам. Огромные, стокилограммовые чувалы с зерном играючи вскидывал себе на плечо и носил к зерноприемнику. Он разрешал ей только развязывать мешки с зерном и завязывать с мукой. Они полюбили друг друга с первого взгляда, и под Новый год Миловановы прислали к ней сватов. К концу двадцатых годов у них уже было семеро детей - погодков. С ними жил еще бабушкин младший брат Колюня-дурачок. В раннем детстве он тяжело заболел. Все уже думали, не выживет. А Колюня выжил, но в развитии остановился, и к своим тридцати годам обладал разумом четырехлетнего

ребенка. Худощавый, с высоким, выпуклым лбом мыслителя, густой шевелюрой цвета платины и огромными синими-синими глазами, он был похож на православного святого или пророка.

Рассказывала она и про страшный голод. Перед ним два года подряд были неурожаи. С апреля начинались дожди и лили все всю весну и лето, не давая убрать ни сено, ни зерновые.

Хлеб делила всегда бабушка. Острым, как бритва ножом, она аккуратно по утрам отрезала всем детям равные кусочки. Колюня при этом всегда стоял рядом и канючил: «Сестра, сестра, а мне паю-ю-шку-у». Получив долю, он тут же уходил в свой закуток. Все съедали хлеб сразу, а Колькин отец (в то время Ванятка) всегда ждал, когда он зачерствеет, уверяя, что так его «должее» есть.

Голодали все. Особенно трудно приходилось детям. Они стали пухнуть. А самая младшая Настенька, наоборот, стала прозрачной и почти невесомой.

Но больше всех сдал Колюня. Очень похудел. Нос его заострился и загнулся, как у хищной птицы. А осенью, он вообще перестал выходить из своей каморки.

Умер Колюня на Покров тихо и незаметно. Утром, когда бабушка зашла к нему, он уже не дышал. Высохшее тело его терялось в складках старого лоскутного одеяла. На худом лице застыла улыбка. Возле его лежанки стояла пара старых растоптанных валенок, доверху набитых ломтиками хлеба и заплесневелым, сваренным в мундире, картофелем. Бабушка пересчитала Колюнины «паюшки» и поняла: последние полтора месяца он ничего не ел.

Подкармливаемые сбереженным Колюней хлебом дети, пошли на поправку.

Много еще чего рассказывала бабушка про свою нелегкую жизнь. Колька всегда слушал ее с открытым ртом, затаив дыхание, и на всю жизнь запомнил ее честные бесхитростные былинки.

Умерли они с дедом почти одновременно на семидесятом году жизни. Вся страна тогда готовилась к пятидесятилетию Великой Октябрьской революции. В тот день Колька возвратился поздно. Еще издали он увидел ярко освещенные окна родного дома. Возле калитки его встретила мать с младшей сестренкой. «Коль, а у нас дедушка умер»,— как-то удивленно, опережая мать, сообщила ему малышка.

На девятый день после дедовых похорон, бабушка с утра поехала в епифанскую церковь. Заказала сорокоуст по усопшему рабу Божьему Ивану и долго, долго молилась. Дома накрыли стол и с соседями помянули покойного. Часов в семь вечера она легла отдохнуть и во сне, никого не беспокоя, тихо отошла ко Господу.

Когда Колька с улицы увидел, горевший во всех комнатах свет в своем доме, у него горестно екнуло сердце. Оставив веселую компанию друзей, он со всех ног кинулся домой.

С тех пор ночью он не может без волнения, смотреть на ярко освещенные окна.

* * *

После тех похорон Колькина жизнь разделилась на две части. На то, что было до того горестного юбилейного года и после. Раньше он на сто процентов был уверен, что и его близкие, и уж конечно он сам никогда-никогда не умрут. Да и вообще о смерти он старался не думать, хотя она постоянно напоминала о себе. То шахтеров на какой-нибудь шахте завалит, и весь поселок провожает их до кладбища. То из соседей или знакомых кто-то «глаза закроет». А тут, через неделю после бабушкиных похорон, трагически ушла из жизни (повесилась) его одноклассница Наташка Горелова. Семья у них была большая и неблагополучная. Пять человек детей. Родители — горькие пьяницы. Наташка была самой старшей. Жили они очень бедно. Дети питались через день, да и то чаще у соседей. Гореловых собирались лишить родительских прав, но местная власть все чего-то тянула.

Наташка редко принимала участие в играх поселковой детворы. Как заботливая нянька, она постоянно возилась с братишками и сестренками. А если когда и показывалась во дворе, то всегда была облеплена своей малышкой. Много лет подряд носила одно и то же платье и выданное ей в школе, бесформенное зимнее пальто.

Хоронила ее вся школа. Гроб утопал в цветах. Колька очень жалел Наташку. Горелова была хорошей, доброй девчонкой. А как пела! На районном смотре школьной художественной самодеятельности ей за исполнение песни «Лада» даже грамоту с ценным подарком дали, но самое главное (что особо ценил Колька) — она не была болтушкой.

Года два назад они всем классом ходили в поселковый парк, собирали там осенние листья для гербария. Колька, желая похвастаться перед друзьями своим новым поджигным пистолетом, прихватил его с собой. Когда все разбрелись по парку, он не целясь, выстрелил в засохшее дерево. И надо же тому было случиться, там, неподалеку, оказалась Наташка. Заряд свинцовых дробинок угодил ей прямо в ногу. Пошла кровь. Еле-еле сдерживая слезы, молча, она быстро перевязала своим чулком лодыжку и дома сама цыганской иглой выковыряла из ноги всю дробь.

Конечно, в школе про это тут же все узнали, но только не от Наташки. Колька в этом был свято уверен. Скорее всего, проболтался кто-то из ребят, бывших тогда с ним. Его вызвали с родителями к директору школы. Там же была Наташка Горелова со своей вечно пьяной матерью и участковым. И как не допытывались у нее родители, директор и даже суровый пожилой милиционер — она ничего не сказала. Упрямо твердила, что напоролась на сучок.

И ничего здесь удивительного не было. Вся школа знала, что Наташка Горелова была по уши влюблена в Кольку Милованова. Наши девчонки из класса про это все уши ему прожужжали. В глубине души осознавать это Кольке ой, как приятно было, но ответить на Наташкину любовь он тогда был не готов. Стеснялся что ли?.. И чтобы показать своим друзьям, что ему все до лампочки, то портфелем ее по спине ударит, то при всем классе шаболдой назовет.

Когда гроб с Наташкой опустили в могилу, и мерзлые комья земли глухо застучали о его крышку, Колька, глядя на ее пьяных родителей, вдруг с небывалой остротой и болью ощутил и свою вину перед Наташкой Гореловой.

Через два года Колькиного соседа и закадычного друга Мишку Сокола провожали в армию. Кто-то из ребят принес магнитофон со старыми записями. Среди ночи динамики мощно выплеснули: «под железный звон кольчуги...». Все ринулась плясать «шейк», а Колька Милованов, искуриив подряд две сигареты, незаметно вышел на улицу.

Стояла глубокая осень. Было очень свежо. На клумбе у Дома Культуры, он нарвал большой букет бессмертников и пошел на старое кладбище, где просидел на Наташкиной могиле до самого рассвета. Девчонки потом болтали, будто он там всю ночь плакал...

«ОТЧИМ»

Своего родного отца Мишка Сокол не помнил. Он бросил их с матерью, когда ему еще и года не было. Поехал вроде бы на север за длинным рублем и пропал. И куда только Мишкина мать ни писала, к кому она только не обращалась. Даже во Всесоюзный розыск подавала. Да все бестолку. Потерялся Сергей Яковлевич Сокол на бескрайних российских просторах. Растворился, как кусок рафинада в кружке кипятка. Может семью новую завел, а может, и прибили где. А какой мужчина был! Как на аккордеоне играл!.. Сколько песен знал!.. А уж как плясать пойдет!..

Бесчисленное количество раз слышал Мишка эти слова от знакомых и совсем незнакомых ему теток. Ах, как хотелось в этот момент мальчишке взять отца за руку и пройтись с ним по поселку. А еще лучше: первого мая, на отцовских плечах, как на корабле, проплыть по площади мимо наспех сделанной деревянной трибуны, битком набитой толстыми дядьками в шляпах. Но... Он даже снился ему как бы издали, всегда играющим на аккордеоне и поющим одну и ту же частушку:

*Бабы спорили на даче
У кого нога лохмаче.
Оказалось всех лохмаче
У самой хозяйки дачи.*

Эту песенку Мишка слышал от поселившегося у их соседки тети Клавды молодого, нагловатого парня. Про него говорили, что он москвич и уголовник. И что после очередного лагерного срока власти запретили ему жить в столице, определив местожительством сто первый километр. Этим километром оказался Мишкин барак.

Новый сосед очень интересовал и пугал Мишку одновременно. Разбитной и не жадный, он часто угощал его мороженым. Показывал удивительные фокусы на картах. Здорово играл на гитаре, неплохо пел. Только вот песни у него были все какие-то жалобные, половину слов в которых никто не понимал.

Мишке очень нравилось, когда он, при всех соседях, называл его сынком: «Слышь, сынок. Сбегай за куревом. Сдачу себе оставь!..». Мишка, как на крыльях, летел в магазин за папиросами. И дело было тут совсем не в сдаче...

Их соседка Дуська Сазонова, молодая скандальная бабенка и сплетница, посмеиваясь, за глаза стала звать сожителя тети Клавды «отчимом».

Пьяный, он становился злым, страшно ругался, хватался за нож и кидался на всех драться. Уговорить, успокоить его не было никакой возможности. На утро, проспавшись, с наглым видом просил у всего барака прощения, обещая, что этого больше никогда не повторится. Но проходила неделя, другая и все повторялось снова.

Работать Витю Пазухина, милиция устроила на одну из шахт, где он за месяц успел перебрать все профессии. На проходке тяжело, в лаве опасно, на дренажах сыровато... «Пусть там бобры работают»,— устроившись на сухих горбылях, в полудреме усмехался он про себя. Если кто-то из напарников начинал возмущаться, он вскакивал и, кланув рандолевными зубами, с блатным надрывом и распальцовкой объяснял: «Тебе фэззушник в натуре без всяких, шевелюшки ведь нужны, а мне только стаж голенький!». И завернувшись в телогрейку, на три размера больше его щедедушного, синего от многочисленных татуировок тела, отходил ко сну.

По всему было видно, что «пассажир» он здесь временный и если бы не наш участковый (патологически ненавидивший всякую блатату), Витя к шахте и на километр не подошел бы. Себя бы он и картами прокормил. По вечерам у него всегда собирались человек по десять картежников. Играли в «очко» и «секу». «Шкуруил» всех Пазухин без зазрения совести. А ведь мно-о-гие замечали, что играет москвич нечестно, но, что греха таить, побаивались. Чуть что — вскочит и сразу за финку... Получки, авансы и даже «выслугу лет» оставляла за его колченогим столом наша подгулявшая шахтерня.

Все замужние женщины люто возненавидели «Витю-тюремщика» и, собираясь у водопроводных колонок, дружно проклинали столичного урку, призывая на его лысеющую голову все существующие на свете кары.

Вокруг него постоянно крутились какие-то темные подозрительные личности. С местной шпаной он близко не сходил, но был у них в большом авторитете. Полгода назад на День Шахтера в поселковом парке вспыхнула страшная драка с поножовщиной. Зачинщиком был москвич. Да и резал он. Статья «светила» ему «тяжелая». Но наши «придурки» все на себя взяли.

Так бы и ходил заезжий уркаган по шахтерскому поселку королем, да только вот не пофартило ему.

Витя Пазухин по жизни был вор. Родился и вырос он в Москве, рядом со знаменитым Птичьим рынком, где уже с младенческих лет всюю обирал в «стельку» пьяных инвалидов, которых в столице (да и где их тогда только не было, война ведь недавно закончилась) было множество. Подрастая, «промышлял» на вокзалах, в городском транспорте, метро. Карманник из него неплохой получился. И «коню понятно», когда на шахтах выдавали зарплату, он не мог отказать себе в удовольствии «пощипать» в переполненных автобусах.

Но в тот новогодний вечер не повезло ему. То ли удача подвела, то ли сноровка воровская... Прямо за руку поймали. Остановили автобус. Выволокли наружу. Обыскали. Нашли кошелек с восьмьюдесятью рублями и три плоских газетных сверточка, с чьими-то зарплатами. У кошелька сразу хозяин нашелся. Тут бы Пазухину и повиниться. Прощения у народа попросить. Глядишь, и обошлось бы. А он по привычке на «понтах» хотел выехать. Зубами зацелкал. По «фене заботал». Тут-то «рандоль» ему и всю выбили. С полчаса смертным боем били. Ненавидевшие Витю женщины, со слезами умоляли мужиков отпустить «тюремщика». Но не на шутку расхотевшиеся шахтеры, продолжая избивать, поволокли вора к грузовому стволу. Там их встретил, предупрежденный кем-то, главный инженер. Его, как щенка, отшвырнули в сторону. Когда вручную подняли тяжеленную решетку, ограждающую бездонный ствол, Витя Пазухин заверещал, как попавший в капкан заяц.

Главный, видя, что сейчас произойдет нечто страшное, встал на колени и закричал: «Ребята! Милые! Не делайте этого! Вас же пересажают всех!!!». То ли вид униженного, стоящего на коленях главного инженера, то ли, переходящий в визг, крик Вити Пазухина подействовали, но мужики вдруг остановились и, не глядя друг на друга, разошлись.

* * *

Мишкина мать, Светлана Евгеньевна Сокол, работала медсестрой в шахтном медпункте. Работа хлопотная (травмы под землей почти каждый день), но уж очень малооплачиваемая. На один сестринский оклад с ребенком прожить было трудно, и она постоянно где-нибудь подрабатывала. Полы на полставки в шахтных кабинетах и коридорах мыла. В праздничные дни подменяла своих обеспеченных коллег. В выходные картошку с морковью на овощехранилище перебирала. В общем, чтобы лишний рубль заработать, ни от какой работы не отказывалась.

Все праздники (новогодние особенно), Мишка встречал всегда с матерью у нее на работе. Чаю с шоколадными конфетами напьются, обнимутся и под бой кремлевских курантов заветные желания загадывают. Кто что загадал, друг другу никогда не говорили. Но Мишка и так прекрасно знал, о чем думала его мама, потому что и сам подумал о том же: «Чтобы отец, наконец-то объявился». Минут через десять под приветственное слово вождей к советскому народу он уже сладко посапывал на жестком, обитом желтой клеенкой топчане, от которого так сильно пахло больницей, и Новый год у него еще долго-долго потом ассоциировался с запахом лекарств.

В тот вечер они с матерью, как всегда приняли смену, и уже было собрались наряжать самодельными игрушками пушистую, пахнущую зимним лесом елочку, как открылась входная дверь и рабочие, внесли в медпункт грубые, самодельные носилки. В лежащей на них растерзанной окровавленной фигуре, Мишка не сразу признал своего соседа. Узнав в чем дело, Светлана Евгеньевна определила явные повреждения (перелом ключицы, руки, ребер), и стала оказывать первую помощь находящемуся в полной прострации Вите Пазухину. Когда она накладывала на его сломанную руку шину, он пришел в себя, и, пытаясь, изобразить на своем изуродованном лице

улыбку, обдирая прокушенный и распухший язык об острые осколки зубов, разбитыми вдрызг губами прошепелявил Мишке: «В натуре, шинок, беш всяких, «под молотки» попал». Вкатив ему лошадиную дозу обезболивающего, они с матерью на шахтной летучке повезли его в районную больницу.

В Старый Новый год умерла тетя Клава, женщина, с которой сожительствовал Витя-тюремщик. Замерзла. Возвращаясь с гостей, присела на лавочку (под своим же окном) и задремала. Ранним утром, ее обнаружили мертвой, идущие на работу слесаря-ремонтники. «Полное переохлаждение организма» — констатировал врач скорой помощи. Хоронили горемыку всем баракком.хлопоты по похоронам взяла на себя Светлана Евгеньевна. Шахта, где покойница работала, помогла с гробом, с транспортом и могильщиками. Пятнадцать рублей на погребение выдал профсоюз. По тройку на поминки сбросились соседи.

Поминали еще не старую безродную шахтерку всем баракком на общей кухне.

Бывая по своим медпунктовским делам в районной больнице, Светлана Евгеньевна как-то зашла проведать и за одно передать Пазухину оставшиеся с поминок продукты. Какой-никакой, а сосед все-таки.

Она ожидала увидеть его закованным в гипс, лежащим на специальной кровати, и очень удивилась, когда в палате больного не оказалось. «Опять, наверное, в курилке, побаски свои срамные рассказывает», — махнула рукой в конец коридора перебивавшая чью-то постель пожилая нянечка.

Собрав вокруг себя с десяток ходячих и выздоравливающих, Витя Пазухин, что называется, «на холодную» «гнул» им одну из своих многочисленных воровских баск.

Загипсованная правая рука, как плеть свисала вдоль его туловища. Тутго связанные между собой бинтом на спине матерчатые кольца оттягивали узенькие плечи Пазухина далеко назад. На выдавшейся при этом вперед остренькой цыплячьей Витиной груди уморительно смотрелись, с большим искусством вытатуированные синей тушью васнецовские богатыри. Маленький, с голым торсом, одетый в широкие, на два размера больше сожженные хлоркой больничные штаны, он показался ей весьма жалким и убогим.

Увидев свою соседку в дверях курилки, Витя и бровью не повел. И едва выслушав горестные вести, забросал ее откровенно наглыми, нескромными просьбами. Светлану Евгеньевну неприятно удивило и покорило, с каким равнодушием он отнесся к смерти своей сожительницы, когда-то принявшей и прописавшей его (отовсюду гонимого) на своей жилплощади. Этой простой, еще нестарой русской женщины, одной из тех, чьи женихи своими телами буквально устлали поля Западной Европы.

Через полчаса, ошарашенная его наглой бесцеремонностью, она уже покупала ему в универмаге трусы. По дороге домой, в автобусе, Светлана Евгеньевна вдруг поймала себя на мысли, что ей необычайно приятно было, выбирать в магазине мужское белье.

Через два с половиной месяца Витю-тюремщика из больницы выписали. Появился он под вечер пополневший, посвежевший и, как всегда, наглый. Комната умершей сожительницы осталась за ним.

С пьянкой он «завязал», о чем тут же уведомил всех своих соседей. Вставил зубы. Приоделся. Раза два к нему приходил участковый милиционер. О чем они говорили неизвестно, но с шахты Витя Пазухин рассчитался, а вскоре и вовсе пропал. И правильно сделал. У нас его, наверняка, доби́ли бы.

